

— У тебя в родной деревне ещё есть имущество? — спросил дядя Чжан, и он с дядей Яном переглянулись с изумлением.

— Есть, — мягко улыбнулся Вэнь Жунь, опустив глаза. — И немало.

Согласно воспоминаниям прежнего хозяина тела, в Вэньцзячжуане оставались как минимум пятьдесят му земли и старый родовой дом. Деньги, скорее всего, прикарманил дядя, но недвижимость стоила не меньше двухсот лянв серебром — и это в самом скромном расчёте!

Он не собирался это оставлять.

Во-первых, он не планировал возвращаться на родину — ни на поминки, ни на могилы родителей. В Вэньцзячжуане был родовой храм и кладбище: за могилами присмотрят.

Когда его «выдавали замуж», никто в деревне не заступился за него — все видели: он один, слаб, не умеет ладить с людьми.

Третий сын старого родоначальника приглядел себе его дом.

Староста Вэньцзячжуана метил на пятьдесят му земли.

Ведь как линшэнь, Вэнь Жунь имел право на освобождение от налогов и повинностей для пятидесяти му земли (обычный суйцай — только для двадцати).

Но эти люди не подумали: всё это возможно только при условии, что он остаётся в Вэньцзячжуане!

Раз он уехал — какая им польза от этих земель?

Ведь хозяин — он сам! Дом и земля принадлежат только ему!

Не зря говорят: глупость — неизлечима.

Прежний Вэнь Жунь буквально умер от обиды и бессилия.

Но нынешний Вэнь Жунь — не из тех, кто терпит несправедливость.

К счастью, прежний хозяин тела оказался не совсем наивным: он спрятал документы на дом и землю между страницами своих книг.

Он верил в поговорку: «В книгах — чертоги из золота, в книгах — тысячи ханов зерна».

К тому же он увлекался копированием картин — а в древности это считалось почти подделкой, поэтому он никому не рассказывал о своём увлечении.

Однажды он даже сделал точные копии своих собственных документов.

Когда дядя в спешке искал оригиналы, он перепутал копии с подлинниками... и так настоящие документы остались у Вэнь Жуня!

И теперь он твёрдо решил: если уж отказывается от имущества — то точно не для того, чтобы оно досталось этим подлым родственникам.

— Тогда поедем! Завтра же! — оживился дядя Чжан. — Рад слышать, что ты собираешься здесь обосноваться. Завтра свожу тебя к старшине участка, а потом в уездную управу.

— Благодарю вас, дядя Чжан, — Вэнь Жунь вновь вежливо поклонился. Чем больше он проявлял учтивости и благородства, тем выше его ценил староста.

Тётушка Чжан принесла мёдовой воды. За разговором Вэнь Жунь узнал, что их двадцать му земли уже засеяны — Ван Цзюнь успел это сделать перед уходом в армию.

Но, зная, что дома остались только слабые дети, он договорился с дядей Чжаном: пусть тот обрабатывает землю, а после первого урожая отдаст семье Ванов двести цзинь зерна.

На полях посеяли неприхотливую пшеницу.

Ещё два му целины засеяли кукурузой с бобами.

— Хорошо, — кивнул Вэнь Жунь. — В этом году так и сделаем.

Значит, на следующий год у него уже есть другие планы.

Дети молчали — всё решал «старший брат-муж». И правильно: они и вправду были слишком малы и слабы, чтобы пахать землю.

Да они и не умели этого!

К тому же в доме не было ни вола, ни осла.

Раньше у Вэнь Жуня даже был осёл для езды — теперь и его нет.

А верхом на лошади он и вовсе не умел ездить.

Вэнь Жунь подарил дяде Чжану кувшин вина — тот обрадовался: это был знаменитый «Юйцюань» («Нефритовый родник»), отличное белое вино, стоимостью не меньше двух лянов серебром.

Поговорив долго, Вэнь Жунь вернулся домой с детьми на руках.

Дядя Ян с восхищением посмотрел на него:

— Ты, суйцай, молодец! Всего пару слов — и дядя Чжан уже весь неловкий от уважения!

— Просто у меня хорошая аура, — уклончиво ответил Вэнь Жунь, не желая признаваться, что слегка «давил авторитетом». — Да и дядя Чжан — человек разумный.

Что тут мог ответить дядя Ян? Только рассмеяться да согласиться.

Вэнь Жунь заранее договорился о телеге: дядя Ян согласился везти их в город.

Дом оставили на попечение тётушки Ян, а сами — Вэнь Жунь с тремя детьми — отправились в путь вместе с дядей Яном и старостой Чжаном. По дороге заехали к старшине участка — средних лет мужчине по фамилии Ма.

Уезд Юннинь занимал выгодное положение на перекрёстке торговых путей.

Город был выстроен строго по плану: четыре главные улицы, восемь побочных и семьдесят две узкие переулки переплетались в чёткую сетку.

Вся застройка была выверена до сантиметра: улицы шли строго с севера на юг и с востока на запад, переулки — аккуратными рядами.

По центральной оси проложили широкую дорогу из полированных плит — она пересекала город насквозь и символизировала лицо императорской власти: чёткое, прямое, без изгибов.

Все остальные здания делились на две симметричные части:

слева располагался храм Городского духа (Чэнхуаньмяо), справа — уездная управа;

слева — храм Конфуция (Вэньмяо), справа — храм Гуань-ди.

Слева стояла даосская обитель Цинской, справа — буддийский монастырь.

На юге города находился рынок — место свободной торговли.

На севере же тянулись сплошные лавки: самых разных ремёсел и профессий.

Рядом с храмом Конфуция располагалась уездная академия.

В уезде её называли просто «учебой» (сюэтан), в областном центре — «академией» (сюэфу), а частные заведения именовали «институтами» или «книжными павильонами» (шююань).

Но пока в этом городе была лишь одна официальная «учеба».

Вэнь Жунь с детьми первым делом направился в ту самую гостиницу.

Он попросил дядю Яна остаться с ребяташками, заказал в зале чай и угощения.

Даже самые дешёвые чай и сладости он дополнил несколькими горячими блюдами: тушёной свининой, жареным тофу, сковородкой зелёных овощей и миской густого супа с тестяными комочками.

Ещё взял семь-восемь белых пшеничных булочек и получил в подарок миску яичного супа.

— Ты чего это? — удивился дядя Ян. Он хоть и бывал здесь часто, но так щедро угощаться было в новинку.

— Слышал, что старший сын семьи Чжан работает здесь управляющим, — спокойно ответил Вэнь Жунь. — Так что не буду церемониться — закажу несколько блюд. Пусть подадут, когда я вернусь. А сам схожу в уездную управу.

Он оставил здесь большой узел с вещами:

— Ненадолго отлучусь.

Ему нужно было срочно в управу. Прежний хозяин тела был знаком с несколькими чиновниками — иначе бы его документы на дом, землю и пашни не сохранились в таком надёжном состоянии.

— Не волнуйтесь, Вэнь-суйцай, — заверил его управляющий гостиницы, появившись лично. — Я прослежу, чтобы с детьми всё было в порядке.

Действительно, старший сын дяди Чжана работал здесь главным управляющим. Он усадил компанию в тихий угол у окна, в самом дальнем конце общего зала.

— Ладно, я пошёл! — сказал Вэнь Жунь и отправился в управу.

Обычные крестьяне чувствовали себя в уездной управе неловко, поэтому дядя Ян остался ждать в гостинице.

Вэнь Жунь же, сопровождаемый старостой Чжаном и участковым старшиной Ма, направился в управу.

Он уже бывал здесь несколько раз — воспоминания прежнего хозяина тела были очень чёткими.

Сегодня он пришёл оформить перенос домовой регистрации. Закончив с этим, он сразу же нашёл писца и объявил о намерении выставить на продажу свой родовой дом и земли в Вэньцзячжуане.

— Вэнь-суйцай, вы точно решили? — обеспокоенно спросил писец, взглянув на документы. — Дом и земля — в отличном месте, пашни — орошаемые, лучшего качества. Продадите — потом назад не купите!

— Некуда деваться, — спокойно ответил Вэнь Жунь. — Я больше там не живу.

Он предъявил оригиналы фанцзе (договора на дом), дицзе (на территорию) и тяньцзе (на пашню) — всё в полном порядке, с печатями и регистрацией.

Участок и пашни действительно были превосходными — сразу нашлось несколько заинтересованных покупателей.

Но тут в управу зашёл один мужчина средних лет, осмотрел документы, прикинул выгоду — и Вэнь Жунь без колебаний согласился продать ему всё!

Когда покупатель ушёл, писец вполголоса предупредил Вэнь Жуня:

— Да вы знаете, кому продали? Это же отчаянный головорез!

— Головорез? — Вэнь Жунь и сам заметил, что покупатель выглядит грубовато и решительно.

Именно такого человека он и искал.

— Да! Этот Чжан Сань, хоть и богат, но деньги у него нечистые. Он — глава охраны в игорном притоне. Только в тридцать с лишним женился, родился сын — вот теперь ради сына и старается: покупает землю, дом, чтобы оставить наследство.

Писец, будучи местным жителем, знал толк в таких делах:

— У него ещё человек семь-восемь под рукою.

Ясное дело — опасный тип.

<http://bllate.org/book/15642/1398023>